

*Все вымышлено.
Любые совпадения случайны*

ГЛАВА 1

После того как мои достаточно откровенные фотографии слил в Сеть бывший, мне пришлось бежать из родного города. Было непросто, но я решила не отчаиваться. Устроилась на новую работу, завела подруг.

И быстро поняла, что в миллионнике никому ни до кого нет дела. Полная свобода мыслей и действий! Здесь бы, наверное, многие даже позавидовали подобной популярности.

Взять мою замечательную, добрую и смелую подругу Вику. Как-то раз мы напились вина, и я призналась ей в том страшном позоре, что выпал на мою долю. На что Вика лишь весело ответила:

— Так, а... сколько лайков было? Много? Я могла бы таргет настроить, чтобы...

Я сделала круглые глаза, она потянулась обниматься. Потом мы выпили еще вина, начали шутить и смеяться до слез! Что еще остается? Жизнь — штука сложная, случается разное. Есть вещи и пострашнее.

Вика классная, именно она сегодня будет моим единственным гостем на дне рождения. Мне нравится Красноярск, но если начистоту, то семьи очень не хватает. Больше всего на свете я скучаю по домашним шумным посиделкам, маминой стряпне, папиным редким ехидным шуткам. Собираюсь смотаться домой, но в выходные. Сейчас-то середина недели.

— Матвей, время, — говорю строго.

Матвей — мой новый ученик, это наше третье занятие. Ему скоро шестнадцать, и мы готовимся

7

•
•

к тому, чтобы через полтора года сдать ЕГЭ на сто баллов. Мальчик умный, но вредный, впрочем, как и положено в его возрасте.

— Готово, Диана Романовна. — Матвей кладет ручку и поднимает ладони, сдаваясь.

— Молодчина. Все успел, — хвалю искренне.

Искренность — одно из самых важных качеств, необходимых при работе с подростками. Они чувствуют фальшь мгновенно! В их ушах будто расположены сверхчувствительные крошечные детекторы. Обманешь — и все. Больше не достучаться.

— Если продолжишь в том же духе, то поступишь, куда планировал, — мотивирую я. — Матвей А-до-май-тис, — произношу по слогам его мудреную фамилию. Накрывает дежавю из юности, я улыбаюсь. Не просто так Матвей стал моим любимчиком. — Литовская?

— Да, — закатывает он глаза. — Ненавижу ее.

— Почему? — Мои брови летят вверх. — Зря ты. Красивая и редкая фамилия.

— Вот именно, что редкая. Язык сломать можно. По буквам произношу, и все равно неправильно пишут. У меня подружки до сих пор нет только из-за фамилии. Познакомься с кем-нибудь, когда ты Адомайтис!

— А ты знаешь, — начинаю я, решив поддержать ученика. — Когда-то давно, еще в школе, я была влюблена в парня с точно такой же фамилией. Представляла, что выйду за него замуж, даже училась расписываться.

— Конечно! Охотно верю, — снова закатывает глаза Матвей, уколос меня ядовитым подростковым сарказмом, и начинает поспешно собираться.

Понимаю, что теряю его, поэтому добавляю:

— Его Пашей звали, он учился на три года старше. Встречался с моей двоюродной сестрой. Потом, правда, кое-что случилось неприятное, мой отец пообещал

•
†

8

оторвать ему голову... — делаю паузу. — И его семья переехала.

Матвей застывает. Склоняет голову набок.

— А вы из какого города?

Я чувствую подвох и напрягаюсь.

— Неважно.

Начинающий хакер хватается за мобильный и водит пальцами по экрану. Через секунду его лицо озаряется коварной улыбкой, я же ощущаю пустоту в животе. Так бывает, когда нервничаю.

— Ага! — восклицает Матвей. — Вижу, какую вы школу заканчивали! Диана Романовна, у меня для вас сразу две крутые новости! Нет, даже три! Вам лучше за стол крепче схватиться.

— Поверь, сбить меня с ног довольно непросто.

Матвей набирает в грудь побольше воздуха и выдает на одном дыхании:

— Моего старшего брата зовут Павел. Думаю, он тот самый. У него нет девушки. И... та-дам! Он вот-вот за мной приедет.

Видимо, Матвей надеялся, что я вскочу на ноги и закричу: «Ура!» После чего мы возьмемся за руки и побежим встречать его холостого родственника с трудно выговариваемой фамилией.

Вместо этого изгибаю бровь. Шустрый какой.

У самой, правда, сердечко-то слегка сжимается. Вот так совпадение. И правда очень редкая фамилия. Один-единственный Павел Адомайтис на всю страну. Первая несчастная любовь. Мне тринадцать было — самый возраст страдать по старшеклассникам.

— Давайте заключим сделку. Вы меня познакомите с девушкой, которая занимается на час раньше, а я вас — с Павлом. И все счастливы, — вдруг заявляет Матвей.

— Собирайся, — говорю с усталой улыбкой, поднимаясь с места. Хитрый засранец. — Предложение заманчивое, но у меня уже есть молодой человек.

Лгу безбожно. Два года у меня никого нет и пока, судя по всему, не предвидится. Но надеюсь, что однажды кто-то появится. Когда я решусь довериться мужчине. Когда встречу кого-нибудь особенного.

Наверное... В любом случае в мире много других дел. И без любовных любовей умной молодой девушке есть чем заняться.

— Да ладно! — расстраивается Матвей. — А я уже вашу фотографию ему отправил.

Мои глаза округляются, а потом угрожающе прищуриваются.

— Павел поставил вам десять из десяти, — шепчет он в свое оправдание.

Вот это наглость! Павел Адомайтис оценивает фотографии девушек по десятибалльной шкале?!

— Не видать тебе отличницы Юлечки как своих ушей, — заключаю в итоге я.

•
•
•

10

Через полчаса, переговорив с администратором нашей школы подготовки к экзаменам, спускаюсь на первый этаж, выхожу на улицу. Шесть вечера, а уже темно.

В лицо ударяет ледяной февральский ветер с частичками дождя и снега. Я ежусь, поднимая воротник экошубы.

Матвей появляется из-за угла.

— Мой брат хирург, он людей спасает каждый день, — говорит мальчишка вкрадчиво.

Вы поглядите, какой упорный!

— Матвей, нам нужно провести магический ритуал. И чем скорее, тем лучше, — произношу я, закидывая сумочку на плечо.

— Какой еще ритуал?

— По изгнанию сводника из некогда хорошего и умного парня. Я же сказала: у меня есть мужчина, твоя настойчивость неуместна.

— Жаль.

— Жаль, что я не одинока?!

— Вы просто... понравились мне. Красивая, добрая, славная. Прощлая подружка Павла меня ненавидела. Они расстались под Новый год, этот подарок был даже лучше планшета, который Паша сунул под елку... — Матвей вновь закатывает глаза, высмеивая попытку старшего брата устроить для него чудо.

Но это мило! Папа до сих пор так делает. И я каждое первое января, едва открыв глаза, несусь в гостиную, чтобы посмотреть, что же там под елочкой.

Невольно улыбаюсь. Но вслух произношу задумчиво:

— Ух ты. Ее несложно понять.

Пожалев, что не вызвала такси заранее, я утыкаюсь в телефон. Обычно езжу на своей машине, но сегодня планирую выпить пару коктейлей. Двадцать пять лет, в конце концов, исполняется раз в жизни.

— Да ладно вам! А вот и мой брат, кстати.

Матвей указывает на стоящий неподалеку черный «Спортейдж», из которого выходит мужчина.

Я глаза отвожу, не желая переглядываться с тем, кто только что оценил мою фотографию. Ладно, пусть на десятку, но... это ведь чересчур?

— Пока, Матвей, — говорю сдержанно. — На следующем занятии, я надеюсь, мы оба сделаем вид, что этого разговора никогда не было.

— Хорошего вечера, Диана Романовна. Но если передумаете...

— Исчезни уже!

Я поворачиваюсь спиной к потерявшим совесть Адомайтисам и жду машину.

Взгляд равнодушно скользит по домам и прохожим, ярко освещенным фонарями. А потом натывается на женщину в красном пуховике. Прилипает к ней намертво. С этого момента больше ни о чем другом я думать не могу.

Моргаю, не веря тому, что вижу.

Нет... Слишком много совпадений за день!

Женщина стремительно приближается.

Такси все нет.

Я просто не хочу сцен и скандалов. Не хочу слушать то, что она собирается в очередной раз вывалить на меня!

Рядом останавливается машина. Краем глаза замечаю, что это черный «Спортейдж».

Бросаю взгляд на сотовый: «Время ожидания такси — двадцать минут».

Двадцать минут в обществе мамы бывшего?!

Заднее стекло опускается, в окне появляется физиономия Матвея.

— Диана Романовна, вас подвезти? — любезничает он.

Время ожидания такси вдруг как по волшебству растет до двадцати семи минут. Снег идет все быстрее.

— Да, если вам не очень сложно. Буду благодарна.

Я открываю дверь и юркаю на переднее сиденье.

— Добрый вечер, — говорю бойко. Мои глаза направлены вперед. Дыхание ровное, пульс почти спокойный.

Красный пуховик с каждой секундой становится ближе, но сейчас я хотя бы под защитой железной коробки. И сразу двух русифицированных литовцев.

С этой скандальной женщины станется дернуть за ручку двери. А ведь папа говорил! Папа предупреждал, что семейка та еще! Но Диана ничего слышать не хотела.

Слава богу, машина трогается.

— Привет, — слышу спокойный и низкий голос.

— Диана Романовна, это мой брат Павел. Именно он оплачивает мою учебу в вашем крутом центре. Павел, это Диана, — знакомит нас Матвей.

— Романовна, — дополняю я.

•
•

12

— Приятно познакомиться, — раздается слева. — Вам куда?

— Можно до остановки. Спасибо.

Я перевожу взгляд на длинные и ровные пальцы, касающиеся руля. Нет ни кольца, ни следа от него.

Хирург, значит. Жизни спасает. Делаю спину ровнее.

— Спасибо, что взяли за Матвея. Кажется, он наконец-то в восторге от химии, — вновь звучит голос. Приятный. Чуть насмешливый.

— Химию нельзя не любить, — отвечаю я быстро, поворачивая голову. — Не понимать — да. Но не любить невозможно.

Наши с Павлом глаза встречаются, я узнаю этого мужчину мгновенно и тут же опять смотрю вперед. На дорогу.

Темные волосы. Умные карие глаза. Достаточно высокий. Одет хорошо: манжеты белой рубашки выглядывают из-под рукавов полупальто, черные джинсы... Стал, конечно, крупнее, больше будто. Тогда ему шестнадцать едва исполнилось, сейчас рядом со мной взрослый мужчина.

С чистой совестью ставлю четыре из десяти. Ну... максимум пять! Накину балл за спасение, так уж и быть.

— Я тоже так думаю, — говорит Павел. И добавляет с жаром: — Самая материальная из наук. Мы изучаем химию, чтобы узнать, что мы ничего не знаем.

— И не можем ничего знать, — заканчиваю я за него одну известную цитату, которую любила повторять Ольга Семеновна. Моя учительница химии в школе.

Боже, она ведь и Павла учила! Наверное.

Краем глаза замечаю, как он улыбается. Широко, как-то особенно открыто.

Вынужденно признаю, что пятерка начинает трепетать, рискуя в любой момент обернуться... шестеркой.

Так и едем дальше, три химика: бывшая аспирантка, то есть я, новичок Матвей и... м-м-м, мясник, который когда-то что-то там учил.

— А мы раньше не встречались? — произносит Павел. — Не сочтите за тупой подкат, но у вас такое знакомое лицо...

Я качаю головой. Кожей чувствую, как сидящий позади Матвей потирает ладони. Не проходит и мгновения, как начинающий химик-хакер выдает:

— Диана Романовна, у вас же день рождения сегодня!

•
•

ГЛАВА 2

Такая уж наша женская натура.

Можно во всех мужчинах мира, кроме папы, разочароваться. Вычеркнуть из жизни романтику, посвятить себя карьере и кошкам, о которых я всерьез начала задумываться.

Но когда симпатичный парень вдруг начинает поздравлять с днем рождения, а потом на пару с братом петь «Хэппи бездей ту ю...». Громко. С интонациями! Боже... Невольно в улыбке расплываешься. Спину стараешься держать особенно прямо. И пританцовываешь.

Я включаю фронтальную камеру на телефоне и украдкой смотрю на экран, проверяя, в порядке ли макияж и прическа.

В машине очень тепло: обогрев сидений шпарит на максимум. Расстегиваю несколько пуговиц на шубе, замечая, как хирург оценивает мое зеленое платье. Быстро, едва заметно. Сам на дороге смотрит внимательно. Или, по крайней мере, делает вид, потому что мы тащимся в пробке. Снежинки падают на лобовое, на капот, на все вокруг...

— Вот здесь меня высади, — командует вдруг Матвей, разрушая идиллию.

Павел чуть поворачивает голову. Улыбка слетает с его губ. Добрый доктор превращается в требовательного родителя.

— Давай до дома уже?

— К Сане забегу. Ненадолго.

15

⋮

— На час. Потом домой сразу, да? Тебе к контрольной нужно подготовиться.

— Я успею.

— Ладно.

Машина останавливается, Матвей коротко прощается и выпрыгивает на улицу, провалившись в снег по колено. Зло ругается себе под нос, вызывая у меня улыбку, Павел же раздраженно хмыкает.

— Я его этому не учил, — сообщает решительно.

— Вы намекаете, что сквернословия он от меня поднабрался?

— Да нет же, сквернословие от меня, — отмахивается Павел беспечно. — Я же врач. Но всему есть время и место.

Его взгляд опять будто случайно прилипает к моим коленям на мгновение.

Я смеюсь, пытаюсь представить, как сидящий рядом мужчина в белоснежной рубашке и пальто поливает матерными словами кого-нибудь... Не клеится.

— Что? — спрашивает Павел. Проводит тыльной стороной ладони по губам. — Думаете, он наврал? Не проверять же у парня в пятнадцать лет уроки.

Матвей спешит по улице в сторону подъезда. Снег идет все сильнее.

Мы с Адомайтисом-старшим наедине. Когда мне было тринадцать, я писала буквы А и Д в его фамилии крупно, казалось, это дерзко. Он об этом, конечно, ничего не знает.

Павел ждет ответа.

— Я бы на его месте солгала. Но Матвей хороший, я уверена, что домашку он сделает.

— Знаю, что хороший. Но немного... как бы сказать, безалаберный. За два последних года с пятерок скатился в тройки и двойки. Не знаю, что и делать.

Выяснив чуть раньше, что родом из одного городишки, мы как-то незаметно расслабились. Так быва-

•
†

ет, когда в чужой стране встречаешь земляка и мгновенно проникаешься симпатией.

А потом я проговорила, что отмечать праздник планирую в «Бохо». Оказалось, что Павлу в ту же сторону.

Нужно было, наверное, настоять на своем и выйти из машины. Но бедные горожане на остановке выглядели такими замерзшими и грустными, что я вжалась посильнее в горячее кресло «Спортейджа» и кивнула.

Павел выкручивает руль, возвращая машину в глубокую колею. Бедная покачивается, скрипит.

— Ну и погодка, — говорю я. — Армагеддон. Мы вообще доедем?

— Обязательно. Но в пробках постоим. Вы опаздываете?

— Немного. Подруга ждет.

— На заправку заскочим, это быстро... — Павел поворачивается ко мне и вновь улыбается. Широко и слегка, самую малость, смущенно. — Прошу прощения, осечка вышла. Не против подождать пару минут?

Я смотрю в его глаза. Глубокие, умные. А сейчас вдобавок еще и извиняющиеся. Это вдруг кажется милым.

— Все окей, конечно, — успокаиваю, — если купите мне бутылку воды без газа.

— Это запросто. Как насчет чая? Горячего.

— Нет, спасибо.

— Уверены? С лимоном.

— Единственный лимон, которой сегодня попадет в меня, будет в составе «Лонг-Айленда». Свои зожевские штучки оставьте до лучших времен, — заявляю я. После чего вспоминаю, что, вообще-то, учу науке его брата, и добавляю: — На работе, бесспорно, я веду себя серьезнее.

Павел забавно усмехается, чуть приподнимает брови и вдруг говорит:

— Я, кстати, умею делать. Этот коктейль.

Бросает в меня еще один взгляд, какой-то странный и будто выразительный. Словно мы случайно поймали одну волну и перестали строить из себя карикатурных учителя и врача.

Этот его взгляд по всем правилам должен быть быстрым, но неожиданно затягивается на несколько секунд.

Одна, вторая, третья... снег все идет. Я задерживаю дыхание. Вау. В машине становится жарковато.

— Бармен в «Бохо» тоже, — отсекаю, пока не поздно. Стрельнув глазами в окно.

Сережа казался таким же милым, я была очарована. Я... зачем-то сравниваю Павла с бывшим после десяти минут общения! Качаю головой.

Не стану. Не за чем. Это все одиночество и день рождения. Возможно, стоило взять пару выходных и съездить домой.

Едва Павел покидает машину, достаю из сумочки телефон и пишу Вике: «Опоздаю минут на пятнадцать, прости!»

«Что-то случилось? Милая, тут такие пробки! Ты вообще такси дождалась?»

«Нет, но один хирург пообещал меня выручить».

Вика тут же перезванивает. Я поздно понимаю, как двояко можно расценить эту фразу.

— Все хорошо, — говорю в трубку, через витражные окна наблюдая за Павлом, стоящим на кассе. — Хирург он по профессии. Мне медпомощь не нужна была, не беспокойся.

— Ты уверена?

— Абсолютно. Он брат одного из учеников. И... предложил сегодня побыть моим шофером. Временно, разумеется. Такси и правда ждать очень долго. Боюсь, за ночь город засыпет. Вот тебе и потепление.

— Слава богу! Ди, я так перепугалась... Сейчас скользко, люди руки-ноги ломают, просто выйдя из дома. А он... хорош?

•
•

18

Павел держит в руке бутылку минералки, что вызывает у меня улыбку. Рассматриваю его профиль. Потом затылок. Широкие плечи. Стройную фигуру.

— Ну-у, — тяну я. — Возможно.

— Если хочешь, мы можем перенести встречу, — с энтузиазмом предлагает Вика. — Без обид, честное слово. Я могу уйти, и разыграем сценку, будто я тебя кинула.

— Нет, конечно. Все, он идет с заправки. В течение получаса жди. Закажи мне наш коктейль. И буррату, хорошо?

— Оки.

Павел садится в кресло, обдав меня холодом. В руках держит два стаканчика на подставке, огромную шоколадку с орехами и бутылку воды. Последние тут же вручает мне.

— С днем рождения, — говорит вновь с той же обаятельной улыбкой.

— Спасибо. Давайте переведу деньги.

— О, это подарок! — отвечает он важно. — Там еще орешки были в глазури, но их увел стоящий передо мной бородач.

— Обожаю орешки, — вздыхаю я. — Особенно в глазури.

— Пять сек! — выдает Павел решительно и берется за ручку двери.

— Эй! — Я хватаюсь за него.

Адомайтис оборачивается, и наши глаза встречаются.

ГЛАВА 3

Целую секунду мы молчим. Именно столько длится мой вдох. Уголки его губ вновь чуть приподнимаются в улыбке, глаза тоже веселые.

— Обожаю, но, так уж и быть, перебыюсь, — быстро говорю я, отпуская его пальто и возвращаясь на свое место. — Мне ведь не четыре, в конце-то концов.

— На работе совершать подвиги проще, — делано вздыхает Павел. — Красивая девушка зависает в свой день рождения в моей машине, а в распоряжении лишь заправка, где не только цветов нет, но и к тому же... закончились гребаные орехи!

Смешок вылетает из моего рта.

— Ну легко нам в жизни ничего не дается.

— Это точно. Не передумала? — спрашивает он, кивая на чай. — Лимона нет. Обычный такой черный чаек, который даже не думает соревноваться с «Лонг-Айлендом». Он просто тихо-мирно существует где-то рядом, готовый согреть.

Я не удерживаюсь и смотрю на Павла. Почему-то смешно из-за его искренних сетований и возмущений. А еще... у него выразительные скулы, прямой нос, четко очерченные губы. И сам он весь такой выразительный. Я бы сказала... запоминающийся. На плечах немного снега. От Адомайтиса веет холодом.

— То есть не передумали ли вы? — поправляется он, переходя на «вы» и чуть приподнимая брови.

— Ладно, давай свой разрекламированный чай, — отвечаю я беспечно. — То есть давайте.

— Может, тогда на «ты»? Раз уж оба сбиваемся.

Порыв ветра качает машину. Я хватаю стаканчик и делаю крошечный глоток, обжигая язык. Стискиваю подаренную шоколадку. «Спортейдж» трогается.

— Лучше сохранить субординацию. Нашим деловым отношениям это лишь повредит. — Стараюсь не флиртовать с Павлом.

— Мы, вообще-то, выживаем вдвоем на трассе, но окей.

— Не обижайтесь. Я когда вам позвоню наябедничать на Матвея — вдруг придется, — то как это будет выглядеть?

— Позвоните обязательно. Он на испытательном сроке.

— А если завалит?

— Обращусь к вам за советом. — Павел сжимает руль чуть крепче. Вновь становится серьезным. — Потому что, если уж совсем начистоту, понятия не имею, как воспитывать подростков. Мне нравится быть ему другом. Но при этом кто-то должен быть еще и командиром. А совмещать это нереально.

Пытаюсь вспомнить, какая у меня есть информация об их семье. В базе номер телефона бабушки, родителей — не-а. Но часто старшеклассники приходят в наш центр сами, без пап и мам, поэтому не заострила внимание. Родители заняты, бабушки-дедушки же на подхвате.

— Я не педагог по образованию, поэтому, наверное, совет дать не смогу. Я настоящий химик. Просто так вышло, что с первого курса подрабатывала репетитором. Планировала остаться в университете и заниматься наукой.

— Потом что-то изменилось?

Расскажешь тут. В двух словах. Почему больше не смогла ходить в свой универ. Особенно симпатичному мужчине, который, вероятно, старается угодить.

Городишко на двести тысяч жителей — это просто большая деревня. Взгляды, намеки, улыбочки...

Нет, в такие подробности симпатичных хирургов не посвящают.

— Захотела переехать в большой город, — быстро говорю, улыбнувшись. — И не пожалела.

Мы опять переглядываемся.

— Увы, подъезжаем, — сообщает Павел, притворно вздохнув. Достает из кармана сотовый. — Можно ваш номер?

Наверное, как-то так и происходит знакомство, когда тебе двадцать пять. Судьба сталкивает с приятным человеком, вы обмениваетесь номерами. Назначаете свидание. Занимаетесь сексом. Потому что это приятно и хорошо, потому что оба достаточно взрослые и чувствуете взаимную симпатию. Сексом...

Я вновь смотрю на руки Павла. Сглатываю.

Моих фотографий в Сети больше нет. Папа заплатил огромные деньги — их изъяли отовсюду. И продолжают мониторить ежедневно. Но, как говорится, если что-нибудь единожды попадает в интернет, то остается там навечно.

К тому же мы с Адомайтисами из одной деревни.

Павел может запросто попросить мой номер у брата, но он хочет, чтобы я дала ему знак. Мне нравится, что хирург всю дорогу ни на что подобное не намекал и проявляет инициативу лишь тогда, когда мы добрались до места.

Еще немного, и его рейтинг поднимется до семи. И все же... нет. Даже семерки недостаточно, чтобы заставить меня рисковать.

— Если вдруж Матвей начнет прогуливать, я сама позвоню вам или вашей бабушке, — говорю с нейтральной улыбкой. — Спасибо, что подвезли. И за подарки тоже. Хотя и не стоило.

— Пожалуйста, — отвечает Павел, опустив телефон. Смотрит на меня.

•
•

— До свидания, — произношу быстро.

— Отличного праздника.

Я застегиваю пуговицы на шубе, натягиваю шапку на уши. Улыбнувшись напоследок бармену-водителю-хирургу, выхожу из машины.

Сердце почему-то колотится, в животе пусто: я немного нервничаю. Мы пробыли в пути больше часа. Улыбка растягивает губы. Фух. Вау. Как бы там ни было, я хорошо провела это время.

Быстро добегаю до ресторанчика, тяну на себя тяжеленную дверь, которая слушается с трудом. Мне не терпится рассказать Вике обо всем.

— Добрый день, мы вас ждали! — встречает администратор радостно.

— Я бронировала столик на Диану. Подруга уже должна меня ждать.

Администратор смотрит в монитор и растерянно пожимает плечами.

— Не вижу. Вы уверены, что бронировали? Сейчас я уточню, минуту.

В этот момент меня осеняет! Чувствую, как холодею, как пульс частит, как жизнь перед глазами проносится. Мы всегда с Викой сидели в «Бохо», но в этот раз, в самый последний момент, передумали и решили отправиться в другое местечко. Поближе к дому.

Я хватаю трубку, прижимаю ее к уху. Едва подруга отвечает, быстро произношу:

— Я полная дура, прости. Я в «Бохо»!

В ответ слышу веселый и залихватый смех.

— Ты слишком много работаешь! Я ждать уже не буду, прихвачу твою буррату и помчу домой. Заходи ко мне, как вернешься. Поедим и выпьем вина.

Мы с Викой соседи, живем в одном подъезде. Так и познакомились.

— Хорошо. Боже... я ужасный, просто отвратительный друг.

— Со всеми бывает. В наказание ты сейчас два часа будешь добираться до дома.

— Это точно.

— Голодная. Как приедешь, заходи.

— Хорошо. Целую.

— И я тебя крепко, родная. Выше нос. Это твой день, тебе сегодня все можно. Даже перепутать ресторан!

Вика права, я ощущаю сильный голод. Открываю приложение такси, которое сообщает, что машин нет. Ждите.

Ужинать в одиночестве в день своего двадцатипятилетия не хочется. Вдруг в голове возникает шальная мысль. Ее будто кто-то другой мне подкинул. Шел мимо и в голову вложил: «Может, Павел еще не уехал?»

Вряд ли, конечно, но как знать?

Это ведь просто ужин. Пока не рассосались пробки.

Делаю несколько шагов к выходу, намереваясь быстро оглядеть парковку. Но вынужденно отскакиваю назад, потому что дверь резко распахивается.

Передо мной стоит Павел Адомайтис. В шапке. И в снегу. А еще от него снова веет диким холодом.

Я поднимаю глаза, потому что, оказывается, он выше. Намного выше Матвея и вообще больше, чем я думала.

— Ты забыла у меня в машине... — начинает Павел и делает паузу, демонстративно придумывая.

Я смеюсь! Громко и в голос. Просто не могу удержаться!

— Волос? — спрашиваю.

— Да если бы! — отвечает он с раздражением. Разводит руками.

Не помню, когда в последний раз так много улыбалась в компании мужчины.

Значит, врач.

— Моя подруга не смогла приехать, — слышу свой собственный лживый голос. — Как насчет праздничного ужина? Я плачу.

⋮

ГЛАВА 4

Сразу после переезда в большой город впервые за двадцать три года у меня совершенно неожиданно... началась аллергия. Возможно, воздух здесь тяжелый, климат холоднее или вода другая. Да мало ли причин!

Мама поставила на уши всех знакомых врачей, собирая информацию, папа требовал, чтобы я все бросила и немедленно вернулась домой.

Я же обратилась в больницу.

Причин мы тогда с врачом перебрали массу, но симптомы как начались внезапно, так столь же внезапно через три месяца закончились.

Я склонна думать, что дело было в нервах. Моих бедных, растрепанных нервах. Будучи выпавшим из гнезда птенцом, точнее, папиной дочкой, оказавшейся без надежного родительского крыла, я запаниковала. Так много стало зависеть от меня одной. Настолько много!

Мне тогда уколы прописали, витамины какие-то. Жутко болезненные. Чтобы не таскаться в поликлинику, я нашла медсестру, живущую по соседству и готовую приходить в одно и то же время. За смешные деньги.

Каждый день я ждала ее прихода с нетерпением.

На работе все устраивало, там людей много, общения через край. Время стрелой летело: не успевала в центр зайти, как на часах была половина пятого.

Квартира же встречала тишиной. Почти три месяца одиночества и сериалов, под которые я старалась

забыться. Привыкнуть не выходило. Приятельниц найти — почему-то тоже. Мужчи́нами я не интересовалась и старалась вообще держаться от них подальше. Спасибо, один раз уже поверила.

— Моя ты девочка, моя ты сильная, еще чуть-чуть. Молодец, ну что у нас здесь за умничка! — похвалила Вика мою выдержку, втыкая иглу шприца в задницу.

Я не выдержала и вслух рассмеялась.

— Ты самая милая медсестра из всех, что я в жизни видела, — сказала тогда искренне.

Это была третья наша встреча.

— Так я же с детьми работаю, — пожалала Вика плечами. Залепила ранку и отошла от меня. Принялась перчатки снимать. — Привычка. Да и ты такая симпатичная и славная... Все готово. Завтра в то же время?

— Да, спасибо. И... за добрые слова тоже. На самом деле я впервые так далеко уехала от дома и... — закатила глаза, храбрясь, — часто чувствую себя одиноко. Так что твои визиты хоть и приносят зверскую и нестерпимую боль, но я жду их как манну небесную.

Вика тоже рассмеялась.

— У меня есть домашние вафли, хочешь? Можем сериал вместе посмотреть. Я как раз собиралась. Ты любишь сериалы?

— Ты еще не видела человека, который бы любил их больше. С удовольствием! Ауч, как же больно! — потерла я ягодицу, сводя брови домиком.

И похромала за Викой. Сначала на лестничную площадку, затем к ней в гости на этаж выше. Где мы весь вечер ели вафли и смотрели «Секс в большом городе».

Деньги с меня Вика в дальнейшем брать отказалась, мучила уколами бесплатно или, как утверждала она, дьявольски улыбнувшись, ради собственного удовольствия. Но на следующий день я приготовила голубцы и пригласила ее разделить со мной трапезу. Больше я ни минуты не чувствовала себя одинокой.

•
•

«Мы вместе ужинаем, он горяч», — пишу я подруге, пока есть минутка.

«О да, я так ждала этого!» — отвечает Вика незамедлительно.

Потом добавляет:

«Тогда я съедаю твою буррату».

«Может, он маньяк, а ты радуешься».

«Ой, хоть бы в твоей жизни уже появился горячий маньяк, который зажмет тебя у стенки».

Я закатываю глаза и убираю телефон в сумочку. Поправляю прическу перед зеркалом, убеждаюсь, что выгляжу сносно. После чего возвращаюсь в зал ресторанчика.

«Горячий маньяк» сидит за нашим столиком, не думая никуда сматываться. Замечает меня сразу же — ждал. Поспешно откладывает мобильный. Больше Павел глаз не отводит. Пока иду, пока занимаю свое место. Открываю меню, неспешно листаю страницы. Все это время чувствую его. Этот самый взгляд.

— Что? — спрашиваю я, улыбнувшись.

Павел тоже улыбается, затем оглядывается и делает знак. К нам тут же направляется официант. Да не с пустыми руками, а с бокалами и бутылкой дорогого шампанского! Чувствую, что Павел перехватывает инициативу и меняет вечер под себя. Понять не могу, нравится мне это или не очень.

Трезвонит мой сотовый.

— Прости, это родители. Если не отвечу, нас начнут искать парни в форме на машине с мигалками.

Быстро принимаю вызов. Следующие две минуты успокаиваю маму, заверяя, что у меня все прекрасно, что я не умираю от скуки в одиночестве.

Павел меня разглядывает. Ему не интересны сотовый и новостная лента в соцсети. Не интересны сидящие вокруг люди. Его интересую я. Болтающая с мамой.

Папа, уже прилично датый, пытается рассказать, какой маленькой я была, когда он впервые меня уви-

дел в роддоме. И как сердце его сжалось, и как он понял, что я самая красивая девочка на свете...

Павел слегка улыбается, кажется, наслаждаясь моим смущением.

Я стараюсь как-то по-быстрому свернуть разговор, при этом не упоминая, что в ресторане сижу с мужчиной. Иначе начнутся вопросы, а... что тут скажешь. Мы меньше двух часов назад с ним... познакомились. Да, можно сказать, что познакомились, потому что Адомайтис меня так и не вспомнил.

Павел тем временем забирает бутылку шампанского у официанта, отпускает его с богом.

— Все, я снова с тобой, — откладывая телефон. — Извини. Это мой первый день рождения вне дома, родители с ума сходят. Я не какая-нибудь там домашняя девочка, просто праздники для нас — это повод собраться всем вместе.

— Это отличная традиция. Мне нравится, — говорит Павел. Наливает шампанское, которое веселой пеной доходит до края высокого бокала. — Я все помню, мы движемся к крепким коктейлям, но, во-первых, градус нужно повышать, это тебе любой алкоголик со стажем скажет.

— О, ты еще и алкоголик со стажем!

— А ты думала, в сказку попала? Все как полагается.

— Хирург, я помню, — закатываю глаза. — С такой работой немудрено спиться.

Адомайтис подмигивает, показывая, что стесняться его в этом плане не стоит.

— Во-вторых, раз уж я тебя сегодня случайно похитил у семьи и нагло обращаюсь на «ты», у тебя будет шампанское в день рождения. Потому что это празднично. И это моя личная традиция. Каждый свой день рождения я встречаю бутылкой шампанского.

— Прямо встречаешь?

— Да. Откупориваю ее ровно в двенадцать ночи. Если не на дежурстве, конечно. Хотя...

•
•

Я пораженно качаю головой, вновь рассмеявшись.

— Шутка.

— Ясно. Значит, шампанское у меня уже есть. — Веду по бокалу пальцем, мягко поглаживая. Господи, два года одиночества... Что я творю?! Нагло соблазняю кареглазого хирурга. — А тост будет?

Адомайтис слегка прищуривается, наблюдая за движением моей руки. Оно будит в нем что-то, распаляет, я это чувствую. Пальчики ног поджимаются.

Павел смотрит в глаза. И от этого взгляда становится неуютно. Пресловутая пустота в животе наполняется трепетом. Мы с Адомайтисом откровенно друг с другом флиртуем.

Но ведь так не бывает! Чтобы два часа назад встретиться, чтобы все быстро так.

Маньячелло прекрасно понимает, что выглядит отлично. Еще разок пленяет меня темными глазами, поднимает бокал с водой и произносит запросто:

— Разумеется, будет. С днем рождения, Диана. Желаю, чтобы на твоём жизненном пути встречалось много открытых, позитивных и по-настоящему хороших людей. Чтобы дела в твоих руках горели и вдохновение не оставляло. Чтобы одиночество дарило отдых, но при этом всегда рядом были люди, которые при любых обстоятельствах выбирали бы именно тебя. А еще я желаю тебе любви.

Павел смотрит только на меня. Ничего особенного не делает. Сидит напротив в белой рубашке, которая ему так сильно идет. А у меня тахикардия всюю. Он болтает что-то простое и банальное. Но мне нравится. Просто все, что происходит, нравится.

— Любви к мужчине, — добавляю, не сводя с него глаз.

— Да. Взаимной, разумеется. Страдания оставим жалким неудачникам.

— Прекрасно. Спасибо, — благодарю я и осушаю бокал залпом.

Приносят салаты, и мы с Павлом принимаемся за еду.

— Люблю этот ресторанчик, здесь вкусно готовят, — перевожу тему на более нейтральную. Подальше от взаимной любви к мужчине.

— Здесь хорошо, да, но скучно, — говорит Адомайтис.

— Что?

— Для обеда в самый раз, но для праздника слабовато. Есть предложение поехать куда-нибудь еще.

•
•

ГЛАВА 5

Интересно, сколько же у него женщин?

Я думаю об этом, пока мы едем в такси. А потом... когда замечаю взгляды, что бросают на Адомайтиса девушки в клубе.

Судя по словам Матвея, которые тоже нужно делить на два, если не на четыре, с постоянной подружкой Павел расстался под Новый год. Но ведь есть и те, кто параллельно.

Должны быть, иначе никак. Можно даже не рассчитывать на статус эксклюзивного партнера. У такого — обходительного, внимательного, симпатичного и адекватного — обязана быть целая группа поддержки.

Я склоняю голову набок. Вновь подношу к губам стакан с «Лонг-Айлендом», делаю глоточек и решительно заявляю:

— Это совершенно невозможно, Паш! Ты бредишь.

Музыка орет ой-ей! Но мы, забившись в самый дальний угол у барной стойки, умудряемся друг друга прекрасно слышать. Павел не пил алкоголь и не собирался. Но я уговорила. Это было мое условие, иначе бы мы никуда из «Бохо» не поехали. Там действительно слишком светло и официально.

Адомайтис опрокидывает очередную стопку текилы и назидательно поднимает палец. На мгновение закрывает глаза, борясь с головокружением. Это так смешно, что я едва сдерживаюсь, чтобы не согнуться пополам.

— Погоди, — подбирается он. — Но ведь все эти элементы в природе были и раньше. Разве нет?

— Да!

— Во-от.

— Боже, послал же боженька по мою душу мясника! Почему не какого-нибудь терапевта? Невролога или аллерголога!

— Эй! — возмущается Адомайтис, открывая рот не то пораженно, не то восхищенно.

— Твоих аргументов недостаточно, Паша! Полиолефины не могут просто взять и возникнуть в природе. Это категорически невозможно. Человек изобрел пластик. Не будет человека — пластик исчезнет во Вселенной и больше никогда не появится. Никогда на свете. — Я достаю мобильный и демонстрирую трубку Адомайтису, чтобы тот оценил масштабы возможной катастрофы. — Айфоны не растут на пальмах.

— Хорошо. Выходит, ты согласна с тем, что у нас есть определенные элементы. И в запасе сколько угодно времени. А если что-то хотя бы теоретически возможно и на это есть дохренион лет, то значит...

Да он издевается надо мной! Поит и дурит!

— Теоретически это совершенно невозможно! — возмущаюсь я. — Полиэтилен. Там молекула вот такая! — Развожу ладони широко-широко, показывая впечатляющую длину.

— Она больше, Диана.

— Тем более. Да, больше. Его переработать-то капец как сложно, ферменты ее чикают. — Я изображаю пальцами, как именно, и прям прекрасно представляю выражение лица своего профессора, который учил меня не этому.

Господи, два бокала шампанского, второй «Лонг-Айленд»... И Диана режет пальцами длинные молекулы.

Павел чуть прищуривается, его рот растягивается в едва заметной улыбке, такой милой, что это обезоруживает и злит одновременно.

•
•

— И даже после расщепления куски остаются огромными. А ты хочешь, чтобы такую гадость природа сотворила. Есть вещи, которые невозможны. Смирись.

Адомайтис окидывает меня взглядом с головы до ног и обратно. Потом широко улыбается. Этот глупый спор явно доставляет ему удовольствие.

— Твоя категоричность, Диана, меня умиляет. Скажи еще, что никогда и ни при каких обстоятельствах не появятся бактерии, способные этот пластик, эту форменную гадость, жрать.

А вы о чем говорите на первом свидании?

Я открываю рот, а потом осекаюсь. Так нельзя. Это другое!

— Ну-у-у, — тяну я. — Чисто теоретически это не исключено. Пластика у нас сейчас валом. Валяется кругом. А все, что плохо лежит, рано или поздно будет съедено. Особенно если на это дать дохренион времени. Ну или поможет человек. Научит.

Павел делает знак рукой, дескать, вуаля.

— Научит? Типа... хорошая бактерия, взять!

— Типа того, — улыбаюсь я. — На самом деле было бы классно. Очень удобно. И не так стыдно перед матушкой-планетой. Хотя... получится, что мы опять ни фига не смогли, она сама справилась.

— Видишь, как все интересно складывается. Пластик появиться сам собой якобы не мог, но экосистема под него вполне может подстроиться и включить в цепь питания.

— Мне кажется, мы говорим одно и то же разными словами.

— Не исключено. Но мне нравится.

Я стреляю глазами вниз. На его пах. Потом на губы. Которые слегка приоткрываются. И шепчу, сводя брови домиком:

— Скажи, что ты пошутил. Умоляю тебя, скажи!

Адомайтис тянет время, а затем сдаётся и кивает:

— Ты победила. Я шучу.

— Ура! Ура! Ура!

— С днем рождения! — Он мне подмигивает, на что я тут же показываю ему язык.

Взгляд Адомайтиса резко становится серьезнее. Потом Паша расслабляется и добавляет чуть смущенно:

— Но зато теперь ты будешь знать, Ди, что у меня есть такая совершенно дурацкая, невыносимая и бесящая окружающих до трясушки привычка спорить ради спора. Если кто-то рядом абсолютно уверен в своем мнении, я могу влезть. Даже если в глубине души с этим человеком согласен.

— Ого, — говорю я, улыбнувшись. — Это странно, но мне нравится.

— Всю жизнь страдаю, — отвечает он.

Мы оба замолкаем. Сидящий рядом со мной красивый мужчина страдает всю жизнь. Ауч.

Да еще и тема исчерпала себя. Либо новую начинать, либо уже... целоваться.

Музыка веселая, современная, модная. Вокруг люди ходят, танцуют, обнимаются. Время за десять перевалило уже. Ощущение интимности момента не оставляет ни на секунду.

Мы уже многое с Адомайтисом обсудили. И погоду, и город, и Европу, и университеты, которые рассматривает Матвей... Чуть не подрались из-за пластика.

У Павла меняется выражение лица, он вновь становится серьезным. И будто трезвым. Придвигается ближе. Меня обдает ароматом его туалетной воды. Что-то древесное и довольно резкое, в первые секунды раздражающее. Но затем, если подождать немного, привыкаешь и буквально растворяешься в этом запахе.

Я почувствовала, еще когда мы в такси ехали. Растерялась.

Сейчас почему-то тоже.

Мы ведь можем провести время вместе. Без подтекста. Просто поболтать, посмеяться, выпить.

•
•

Или этого будет недостаточно? Ему. Неужели он сейчас все испортит пошлым: «Поехали ко мне?»

— Диана... — начинает Павел, но я делаю знак рукой, останавливая.

— Я сейчас, — шепчу. Потом спрыгиваю со стула и сломя голову несусь в сторону дамской комнаты.

Перед зеркалом застываю на несколько секунд. Вижу свои глаза, немного испуганные, но при этом горящие, алчные.

У меня много месяцев никого не было. Я не планировала в монастырь уходить, само собой так вышло. Почему-то становится очень горько. Я зябко обнимаю себя руками. И вдруг снова ощущаю одиночество. Колочее, как злая шаль, в которую кутаешься, прячась от мира, но никак согреться не получается.

Представляю себе, что будет, если я поцелую Павла. Коснусь своими губами его. Почувствую аромат кожи ближе. Или позволю себя поцеловать, если Павел потянется. Я думаю об этом, и дыхание начинает рваться. По коже озноб.

Медленный вдох-выдох.

Так. Мне двадцать пять лет. Я, в конце концов, имею полное право переспать с мужчиной, даже если это ничего не будет значить! Просто потому что хочу.

Я не учительница в школе, поэтому за связь с братом ученика мне ничего не будет.

Фух!

Почему я вообще об этом думаю? Да еще и так много. С первой секунды, как мы наедине оказались.

Адомайтис похож по типу на принца. Высокий, милый, улыбка обалденная. Одет хорошо, от него пахнет резковато, но вкусно. Я бы, наверное, могла привыкнуть к этому запаху. Раз он Павлу нравится.

Нет. Попрошу вызвать мне такси, уже поздно.

Возвращаюсь в зал.

Гостей сегодня не так много, будний день, но все-таки прилично. Я стараюсь, несмотря на сдавшийся

атаке алкоголя мозжечок, ни на кого не налететь. Вот уже передо мной барная стойка. Белая рубашка моего спутника.

А потом, прямо на моих глазах, к Павлу подходит девушка. Высокая, стройная. Длинные светлые волосы до талии. Маленькое черное платье, облегающее формы. Красивая.

Я, конечно, оделась просто потрясающе, но, увы, не для клуба. Мы с подружкой думали в ресторане поужинать и отправиться досматривать «Эмили в Париже».

Поначалу я хочу подойти, но потом зачем-то делаю шаг назад, намереваясь затеряться в толпе и понаблюдать за ними. Голова кружится от рома. Адомайтис сейчас номер телефона красотки запишет или еще что-нибудь.

Увижу это и спокойно поеду домой.

Павел поднимает голову, слушает, что говорит ему блондинка. Девушка при этом умудряется провести пальцами по его плечу, что отдается во мне неприятным горьким чувством.

А потом он ей улыбается. Широко и открыто. Боже! Это катастрофическая улыбка. Просто уничтожитель сердец.

Улыбается и отрицательно качает головой.

Блондинка что-то еще говорит, неловко рассмеявшись. Павел опять качает головой и произносит: «Нет».

Коротко и ясно. Одно слово. Никаких объяснений или оправданий. Никаких полутонов. Я отчетливо вижу единственное движение губ.

Она пожимает плечами и отворачивается. Павел вновь смотрит на бармена, потом утыкается в телефон. Оказывается, вот так категорично он тоже может.

Собравшись с силами и натянув на лицо беспечное выражение, я подхожу ближе. Пока отсутствовала, мое место заняла блондинка.

•
•

— А вот и ты, — говорит Адомайтис, спрыгивая с высокого стула и уступая мне свое место.

— А вот и я.

Королевой усаживаюсь и смотрю на него. Стоящего рядом.

— Я тут придумал кое-что, пока тебя не было, — сообщает он с такими наглыми интонациями, что только за них можно вклеить пощечину!

Мой рот почему-то наполняется слюной.

— Только не говори, что и здесь тебе скучно, — перевожу я в шутку, скашивая глаза в сторону. А где же весело? В кровати?

Наши глаза встречаются. Его... как будто темнеют. Павел быстро отводит их в сторону и рассеянно улыбается.

— Нет, — он тянется и говорит мне на ухо: — Всего лишь вспомнил одну старую шутку на эту тему из «Куджи» подкаста. Если бактерии начнут жрать пластик, то наши телефоны будут болеть.

Я широко улыбаюсь. Немного стыдно за собственные пошлые мысли. А потом подхватываю идею:

— Да. Новый айфончик, такая нямка! Сожрут за ночь! И экрана не останется! О, появятся пластиковые доктора, ведь технику придется спасать и лечить.

— Ебашить антибиотиками! — соглашается Адомайтис с энтузиазмом, потом закрывает ладонью рот, смутившись.

И я хохочу!

— Сколько там? Три стопки текилы, и на поверхность наконец-то выполз доктор-сквернослов?

— Гони его прочь. А если серьезно... Диана, может, все-таки потанцуешь со мной? — меняет он тему и тон одновременно.

ГЛАВА 6

Я аккуратненько отряхиваю его плечо, которое лапала блондинка. Адомайтис не понимает, смотрит вопросительно.

— Пылинка, — объясняю, маскируя позорно-ревнивый порыв. Минуту назад я собиралась валить отсюда, но если бы он увлекся другой, то никогда бы не простила. Да, со мной бывает сложно. — Вообще-то, мне уже пора, Паш. Или танцевать — это еще одна твоя традиция? Если хочешь — вперед, я подожду... Ай!

Павел демонстративно закатывает глаза, а потом совершенно по-настоящему стягивает меня со стула и ловит.

— Идем, хорошо будет, — говорит он покровительственно и как-то по-врачебному властно. Берет меня за руку.

Если доктор командует — ты слушаешься. Все это знают.

Делать нечего, повинуюсь. Сама смотрю под ноги, чтобы не навернуться. Голова приятно кружится.

Адомайтис находится нестерпимо близко.

Едва оказавшись на танцполе, он сжимает мою талию. Потом ведет пальцами по спине вдоль позвоночника. Мягко, осторожно, но мне и этого хватает.

Мозг плавится. Музыка здесь громкая, шутить и острить не получится. Приходится молчать и чувствовать. Я делаю робкий шаг вперед.

Его запаха становится больше.

•
•

Адомайтис вдруг притягивает меня к себе, заставляя резко вдохнуть и крепко обнять его за шею.

В таком положении он начинает неспешно вести.

Ауч. Что может быть сексуальнее медленного танца двух едва знакомых людей?

Которым трогать друг друга рано, целоваться рано. Если бы он полез вот так в машине обниматься или на улице — я бы вызвала полицию.

А под музыку можно. Красивая мелодия — прекрасное оправдание для моей залитой крепким алкоголем и потому заткнувшейся совести.

Я касаюсь кончиками пальцев его шеи, нащупываю две небольшие родинки, обвожу их нежно, заботливо. В ответ Паша как-то по-особенному медленно вздыхает полной грудью, что вызывает во мне ту самую дрожь.

Он чувствует мою реакцию и прижимает меня к себе на пару секунд. Сильно. Горячо. Затем послушно отпускает. Потому что мы воспитаны и живем в современном разумном обществе. Потому что, будь мы варварами, он бы уже тащил меня к себе домой, чтобы болтать не о пластике.

Но ему нельзя. Вот трогать во время танца можно, прижимать к себе — пожалуйста. А как музыка закончится — и это станет недоступным.

Наши глаза вновь встречаются. Слава богу, здесь достаточно темно, эмоции легко спрятать.

Я веду рукой по его затылку. У Адомайтиса густые короткие волосы, которые мне нравятся. Касаться их нравится.

Мы продолжаем двигаться. Провоцировать. Обострять.

Музыка обрывается. Следом раздаются аккорды чего-то отвратительно веселого. Я отстраняюсь и иду к барной стойке. Павел следует по пятам. Сердце колотится, пустоты в животе нет — там все огнем пылает, в узлы морские скручивается. Щеки горят.

Два года я живу как в монастыре. Но при этом не дурочка. Знаю, что дальше последует.

Вдох-выдох.

Павел Адомайтис меня хочет. Это очевидно по языку его тела, по взглядам.

У меня, конечно, уже тысяча мыслей в голове. Мотает от «не оставить ему свой номер» до «пригласить к себе на утренний кофе» по двести раз за минуту.

У мужчин обычно все до банальности проще. Я ему чем-то понравилась, он меня понюхал, потрогал, рассмешил пару раз.

Судя по всему, сказал фантазиям «да». Сейчас. Без всяких там «а если...». Без оглядки на мои намерения, на мой бэкграунд.

Я в его вкусе. Он это знает. Я это знаю. Он знает, что я знаю.

И теперь самое главное, чем он будет усиленно заниматься, — делать вид, что это не так.

Шутить, болтать. Думать о мертвых птенцах, о загрязнении планеты целлофаном, каких-нибудь внутренних, которые он наблюдает на работе. Или что там еще Адомайтиса удручает.

Потому что у нас так принято. В нашем современном обществе.

Я прошу стакан воды у бармена и оборачиваюсь.

Павел подходит совсем близко, касается меня. Он уверенно чувствует себя в моей зоне комфорта.

Протягивает сотовый и, не спрашивая разрешения, платит, в очередной раз объявляя о намерениях.

Мое сердце колотится. И когда наши глаза опять встречаются, я прошу:

— Вызовешь мне такси?

Снегопад закончился. На улице довольно морозно, но при этом после горячего клуба и безумных мыслей — необходимо свежо.

•
•
•

Мы выходим чуть раньше, чем требует приложение такси, чтобы подышать. И побыть вдвоем, перед тем как попрощаться. Время близится к двенадцати, музыка сменилась на невыносимый клубняк, сделав нахождение на танцполе невозможным.

— Сказка! — Я окидываю восхищенным взглядом горы рассыпчатого белого снега, сверкающего в ярком свете фонарей.

Я немного оглушена после клуба. Мы с Пашей отошли чуть в сторону, чтобы не толкаться на входе.

Здесь тихо.

— Да, утром все это превратится в грязную кашу. Мы поймали особенный момент. Ты не против, если я покурю?

— Нет, — пожимаю плечами. — Не знала, что ты куришь. Весь вечер вроде бы нет.

— Нечасто, — отвечает Павел, доставая из кармана полупальто пачку.

Быстро прикуривает привычным движением. Я внимательно наблюдаю. Как втягивает в себя дым, как зажимает между пальцами сигарету. Это очень сексуально.

Облизываю губы, он замечает это и чуть прищуривается.

Ежусь.

На улице тихо-тихо. Он. Я. Горы снега. Дым из его легких...

— Замерзла? — спрашивает Павел, истолковав мою реакцию по-своему.

Приподнимает руку, приглашая в объятия. Пролетающая мимо спортинка разрезает воздух грубой матерной песней.

Он ждет.

Ладно. На нас куча одежды. Мы достаточно для этого пьяны.

Я подхожу ближе, и Паша обнимает меня. Прижимает к себе так сильно, что я улыбаюсь до ушей.

— Ай! Раздавишь! — возмущаюсь.

— Извини, — говорит он искренне, но тут же повторяет движение.

Я поднимаю глаза, мы смотрим друг на друга. Адомайтис отворачивается и крепко затягивается, выпускает дым в сторону над моей головой. И это тоже адски сексуально.

Наверное, такси скоро приедет. Осталась всего пара минут.

— Спасибо, что пригласила на день рождения, — произносит Павел хрипло. — Было приятно стать твоим гостем.

— Спасибо за шоколадку, — парирую я. — Было бы неловко после такого подарка отказать.

— Ненавижу эту заправку.

— Паш, — произношу загадочно. Потом серьезно. — Ты должен кое-что знать, только...

Я делаю паузу, наблюдая за тем, как пьяная беспечная улыбка сползает с его лица. Медленно и неминуемо.

Глаза вновь прищуриваются то ли от попавшего дыма, то ли от раздражения. Хватка рук становится сначала сильнее, затем значительно слабнет.

— У тебя есть мужик, угадал? Конечно, у такой славной. Как иначе? Вы поругались в хлам, но все равно потом помиритесь. Или он в какой-нибудь ебу-чей командировке?

Ауч. Но забавно, что Адомайтис об этом беспокоится.

— Не совсем. Я тебя обманула. Это не подруга перепутала ресторан, а я. Иногда я бываю рассеянной. Это злит и бесит окружающих людей.

— Фоу! Как на качелях вверх-вниз!

Я пожимаю плечами, скромно потупив глазки.

— Все умные люди бывают рассеянными, — быстро обнадеживает он.

— Вот как. Даже ты?

— Мне-то откуда. — Павел закатывает глаза. А потом улыбается. Снова легко, пьяно и просто обалденно.

•
•

Это один из самых лучших дней рождения в моей взрослой жизни.

Сигарета одиноко тлеет в его руке. Я снова приковала к себе все его внимание. Павел наклоняется, и мне хочется, чтобы он сделал это. Поцеловал меня. Коснулся губами, лизнул, опалил дыханием. На его языке смесь слюны, алкоголя и никотина. Взрослый вкус. Я хочу его попробовать.

Прямо сейчас... И правда качели. Фоу!

Вдалеке проносится та же самая машина, из которой басит так, что перепонки едва не лопаются: «Твоя сука хочет...»

Я испуганно вздрагиваю и отворачиваю голову в сторону. Павел обнимает крепче. Я чувствую его дыхание на виске. Потом ниже.

Вцепляюсь в его пальто и закрываю глаза.

Павел убирает мои волосы за спину и касается горячими губами холодной щеки.

Мир качается.

Губы скользят по коже.

Я чувствую поцелуй рядом с мочкой уха. А следом — как позорно возбуждение простреливает низ живота, концентрируя все внимание именно в той области.

Мои пальцы сжимают ткань его пальто до белых костяшек. Я невольно подаюсь вперед грудью.

Его губы опускаются ниже. Павел шумно втягивает в себя мой запах.

После чего срывается и начинает целовать шею. Трогать языком и губами одни из самых чувствительных точек на моем теле. Целовать жадно, смело и нагло. Послабляя самоконтроль. Капитулируя и признаваясь, что он тот еще варвар. И что ему до одури сейчас нужна я.

Он обхватывает губами, лижет, прикусывает. Оставляя после себя леденеющий на холоде влажный след. Я прижимаюсь теснее.

Павел втягивает в себя мою кожу, касается ее зубами. Я привстаю на цыпочки.

Мир переворачивается опять и опять. Я на какой-то карусели, бешеном секс-аттракционе. Чтобы не упасть, держусь за Адомайтиса, а он, видно, расценивает это как положительный ответ.

Удовольствие заполняет изнутри — в области шеи концентрируется жаром и растекается по телу. Внутри от нетерпения становится больно. А еще влажно там, внизу живота.

Павел просто ласкает мою шею, а я готовлюсь к нему. К его вторжению. Каждой своей клеточкой. Округляю глаза от осознания происходящего. Но это слишком приятно, чтобы останавливать.

Адомайтис находит руками мои пальцы. У него ладони тоже горячие. Он засовывает мои руки в свои карманы и греет. А сам все еще целует. Шею. Нравится ему, что ли? Маньяк, уже нет сомнений.

Павел... Паша обхватывает губами мочку уха. Лижет ее языком, господи.

— Я хочу тебя, — шепчет. — Дурею.

Рядом останавливается машина. Он отрывается от меня.

— Прости, — говорит быстро. И смотрит в ожидании. Глазами не то пьяными, не то безумными.

Это кажется наглым, я ощущаю, что растерялась. Адомайтис считывает мою реакцию абсолютно правильно. И моментально врубает заднюю:

— Я зря. Диана, извини, пожалуйста. Я не соби-
рался.

Я качаю головой и иду к машине. Шея горит огнем. Она пропитана его слюной, его похотью.

В ушах бахает тихое: «Я хочу тебя».

Максимально сексуальное, что я только слышала в своей жизни.

•
•

ГЛАВА 7

Трель айфона в семь утра насквозь прорезает сознание тупой бритвой. А затем лопают нервные клетки, как игла — шары воздушные.

— А-а-а! Ненавижу! Да чтобы тебя бактерии сожрали, чудовище! — ругаюсь я, выключая будильник. — Ни винтика не оставили!

Утыкаюсь лицом в подушку и разрешаю себе жалобно застонать. Ударяю кулаком по матрасу.

Маньячелло-Адомайтис словно стоп-кран сорвал. Мало того что домой я вернулась за полночь и пьяная, так еще и оставшиеся для мирного сна часы о нем думала.

Помыться как следует сил не хватило. Я наскоро приняла душ, почистила зубы, разумеется, сделала трехступенчатый уход для лица, а потом завалилась спать.

Мои волосы пахли им. Резкой туалетной водой, которая, если привыкнуть, начинает нравиться. А еще никотином.

Я всю ночь купалась в этом запахе и вспоминала, как целовал. Его похоть покалывала мне кожу, давила на грудь, грела низ живота. Я кружилась на карусели с беспечной улыбкой, предвкушая продолжение. Безумие.

Когда твой бывший мужчина, человек некогда самый родной и близкий, предает, черту переступая. Когда затем ваши общие знакомые на тебя смотрят с легкой и едва различимой навязчивой улыбочкой.

Когда в университете студенты отвешивают комплименты. А твоей маме якобы подружки наперебой звонят и сочувствуют...

Сдохнуть хочется.

Папе-то, конечно, не осмеливались вякнуть. Там за один намек можно кулаком в глаз получить. Но не могла же я остаток жизни за спиной папули просидеть? Даже с учетом того, что он был бы только рад этому.

Мысли в голове тогда начали бродить, что никогда, никому, ни за что... Я на самом деле очень стыдливая девушка, хоть и в себе уверенная. Эти два качества прекрасно сочетаются, хотя многим данный факт может показаться сомнительным.

Студенты в университете, если начистоту, отнеслись лучше всего. Да, глазки строили и намекали, комплименты щедрые отвешивали, но это была хотя бы естественная реакция. Коллеги же на кафедре тайком шушукались и посмеивались — вот что действительно гадство.

Воспоминания будят получше будильника. Их, увы, даже в отдаленном будущем не сожрут голодные микроорганизмы. Память сама может сожрать своего носителя. Запросто.

Я милостиво прощаю айфон и проверяю сообщения — пусто. Последнее от Вики: «Ок, пьянь». В ответ на мое: «Дома, жива и здорова».

Паша вчера довольно невозмутимо сел в мое такси. Я гордо — на переднее сиденье, он позади. Я тут же пожалела: можно было еще минут пятнадцать смело флиртовать и глазки строить.

Адомайтис проводил до подъезда, номер телефона взял. Рыцарски постоял у машины, пока я не написала, что в безопасности. После чего уехал. И пока тишина.

Что ж... Только начало восьмого, может, он еще спит?

•
•

Я отрываю голову от подушки и плетусь в ванную. Будущее химии и медицины само себя к экзаменам не подготовит.

В начале девятого я уже выхожу из дома, чтобы глотнуть морозного воздуха и чуть не поскользнуться на крыльце.

Пару минут стою возле засыпанной снегом «Ауди» и размышляю, что лучше: поднатужиться и почистить крошку сейчас или же взять такси, чтобы потом страдать вечером, дожидаясь машину бесконечно долго. Может быть... меня заберет с работы хирург?

— Дианка, привет! — доносится до меня приветливый голос Жени, прерывая цепочку размышлений.

Я прикусываю губу и опускаю глаза. Этого еще не хватало!

Евгений Воронов — еще один мой сосед, который по совместительству является двоюродным дядей Вики. У нее мы и познакомились однажды.

Жене тридцать пять, у него три овощных магазинчика, стрижка под ноль, располагающая улыбка и легкий нрав. Ужасно, просто невыносимо неуютно, когда он начинает за мной ухаживать! Ответить взаимностью не получается, а дурить хороших парней — не в моих правилах. Вика передала ему, что после тяжелого разрыва я не готова к отношениям. Женя отступился. Но дружить у нас не выходит. Навязчивая идея, что он ждет знак, не отпускает.

— Привет, Жень! — отвечаю весело. — Ты сегодня рано.

Довольно долго я работала во вторую смену, и мы выходили из дома в одно и то же время. Каждый божий день. Было некомфортно. Пришлось поменять расписание.

— Да, много дел. Помочь? — спрашивает он, кивая на щетку. Улыбается.

— Я, наверное, такси возьму... На ней прям шапка.

— Дай мне минуту и отойди подальше, женщина, — командует Женя, забирая у меня щетку и приступая к работе.

Сметает под ноги снег, а вместе с ним и мои робкие планы вечером вновь погреться в тачке хирурга.

Появляется неприятное чувство, что я что-то должна Жене. Начинает щекотать совесть. В последний раз я испытывала подобное, когда он взялся приносить мне свежие дорогие фрукты. Было так вкусно и так неудобно!

— Как дела? Как день рождения? Вика говорила, у вас девичник.

— А, да. Типа того. Было довольно весело. Но утро оказалось жестоким.

— Мне помогает пивко, а потом крепкий кофе.

— Я не могу пивко, я же в школе работаю.

— А я могу. Плюсы работы на себя.

Следует пауза. Я переминаюсь с ноги на ногу.

— Снега столько ночью выпало! — нарушает молчание Женя.

— Да, не говори, — продолжаю интересный разговор, теперь о погоде.

— Представляю, какие колеи. Как бы не занесло в повороте тебя. Могу отвезти. А потом забрать. Напиши только заранее время.

— Спасибо, Жень, я хочу еще в пару магазинов заехать. Ты очень мил.

Сажусь в машину, прогреваю. Когда Женя показывает знак, что готово, искренне благодарю его, посылаю мысленно сто очков в карму. И давлю на газ.

Припарковав машину у школы, вновь беру мобильный. Провожу по экрану. Пусто.

«Лонг-Айлендами» Адомайтис меня напоил, а про самочувствие наутро спросить, видимо, постеснялся. Что ж, жаль. Он действительно мне понравился.

Семерка тает, съезживается. Трансформируюсь в пятерку.

•
•

Снова пятьдесят на пятьдесят, в общем.

Ближе к обеду я беру тайм-аут и уединяюсь в комнате отдыха с чашкой капучино и печеньем. Спать хочется страшно. Листаю сообщения — новых нет. У меня закрытый аккаунт в соцсети. Со вчерашнего дня никто в друзья не добавился.

Настроение почему-то стремительно портится. Капучино с сахаром имеет какой-то не тот вкус, а печенье и вовсе остается нетронутым.

Я откладываю мобильный экраном вниз. Делаю глоточек. Веду пальцем по шее. Там, где Павел целовал. Глаза закрываю. Приятно ведь было. Так приятно, что голову потеряла! Стояла на морозе и позволяла. Дышала жарко, прерывисто. Чувствовала, как сильно он хочет, и млела.

Качаю головой. Утром Адомайтис не написал ничего. Вообще.

Потираю несчастную шею. И впервые думаю о том, что, может, ни я, ни шея моя ему просто... не понравились?

В этом, конечно, нет ничего страшного. Тысячи людей каждый день ходят на первое свидание, и далеко не всегда оно удачное. Я давно не в строю, вот и расклеилась. Павел вчера ухаживал, старался очень, иногда даже слишком. Это было мило, мне казалось, что искра пробежала.

Или нет.

Телефон пищит, я подхватываю его так резко, что ненавижу себя. Жадно смотрю на экран. Там сообщение от Вики:

«Как там наш вчерашний хирург?» И куча смайликов.

«Никак. Молчит». Ставлю в конце точку, что передает мое настроение на сто процентов.

«Вообще молчит??? Совсем?»

«Совсем».

«Может, он номер твой неправильно записал?»

«Он дозвон вчера сделал. Да и мог у Матвея спросить. Знаешь, было бы желание».

«Странно. А он точно доехал домой? Может, случилось что-то... и он того? Помер?»

«Если бы».

«Странно».

«Вика... Ты прекрасно знаешь, что если мужик хочет, то возможность найдет даже с того света. Просто, видимо, я ему не понравилась. И шутки мои пластиковые тоже. Или...»

Так и отправляю сообщение, не в силах дописать.

«Что “или”?»

«Фотки мои нашел. Ну, те».

«Если бы он те твои фотки нашел, то уже с цветами стоял бы у порога на коленях. Как этот, как его... аспирант из твоего универа».

«Бр-р, не дай бог. Ладно, мне пора. Скоро ученики придут».

«Его брат сегодня будет? Вкати ему кол!»

«Нет, он пн-ср-пт».

А сегодня четверг. Четверг моих разбившихся надежд и унылого похмелья.

•
•

50

ГЛАВА 8

К шестому уроку я ощущаю приятную усталость, небольшое онемение языка и состояние, чем-то напоминающее дзен. В общем, созерцаю мир спокойно и без лишних нервов, которые все до последнего вымотали школьники.

Следующие полтора часа занимаюсь с очень хорошей девочкой индивидуально, после чего подхожу к окну и смотрю вниз. На улице безлюдно, темно и пасмурно. Выпавший вчера снег тщательно утрамбован машинами, сметен в серые, покрытые льдистой коркой кучи.

Достаточно уныло. Даже фонари не способны создать романтическое настроение. А еще на улице холодно. Очень. В Сибири зимой снегопад означает потепление, вчера и правда было замечательно. А сегодня снова сильный минус. И на душе от этого тоскливо.

Я сжимаю сотовый, а затем вдруг беру и пишу Паше:

«Привет! Это Диана, которой двадцать пять лет. Хотела узнать, с тобой все в порядке? Обещал написать и пропал. Может, твой телефон стал чьим-то обедом? Или ты? Волнуюсь».

Отправляю. Фух. Перечитываю. Что ж, достаточно мило и остроумно. На мой вкус.

Включаю автопрогрев и потихоньку собираюсь домой. Мучает голод. Об ужине я вчера не думала совсем, а готовить сейчас нет ни сил, ни настроения.

Закажу, наверное, роллы. Потому что второе свидание мне явно не грозит.

С этими мыслями я спускаюсь на первый этаж, набирая сообщение Вике: «Роллы да/нет/умоляю!»

— Диана Романовна, — окликает меня Яна, замечательная девушка с ресепшена. Подзывает жестом.

— Ключи оставила Марии Арсеньевне, — быстро объясняю ей. — Она как домоет класс, принесет. Я уже поехала домой.

— К вам пришли.

Не успеваю я обрадоваться, как Яна быстро добавляет:

— Женщина чуть за пятьдесят с черными волосами. Представилась Любовью Никитичной. Сказала, по личному делу, не терпящему отлагательства. Но вы занимались с Луизой, и я не стала отвлекать.

Обучение в нашей школе может позволить себе далеко не каждый, а за свои немалые деньги что дети, что их родители ждут результат. Поэтому не в наших правилах прерывать занятия из-за гостей, разве что-то совсем срочное случилось, например, пожар или наводнение.

Улыбка сползает с моего лица.

— Она ждет в приемной, — кивает Яна.

Едва я думаю о том, как бы проскользнуть незамеченной к шкафу, а затем и на улицу, дверь открывается — в фойе заходит женщина в расстегнутом красном пуховике. Та самая. Моя несбывшаяся свекровь. Как несбывшийся кошмар.

— Диана, дорогая, здравствуй! — восклицает она, цепко оглядывая меня с ног до головы.

Выгляжу я прекрасно, и ей это не по вкусу.

— Добрый вечер. Чем обязана, Любовь Никитична? — говорю сухо и нейтрально.

Вообще, от этой женщины можно ожидать чего угодно. Однажды она расцарапала лицо моему отцу и чуть не укусила его за ухо.

•
•

К счастью, рядом Яна и охранник Валера, который зорко наблюдает за нами.

— Поговорить нужно, Дианочка, девочка моя. Ты трубку не берешь, пришлось за столько километров ехать...

— Хорошо. Говорите.

— Наедине.

Я мешкаю, бросаю взгляд на Валеру. Тот офицер в запасе, надежный дядька, напрягается и кивает. Давая понять, что держит руку на пульсе.

Приглашаю женщину в приемную. Здесь мы обычно проводим родительские собрания. Чуть дальше расположен кабинет директора.

Чай-кофе умышленно не предлагаю. Хочу скорее начать и закончить.

— Присядем? — спрашивает Любовь Никитична.

— Спасибо, но я бы хотела быстрее отправиться домой. Если честно, не понимаю, зачем вы приехали. Я же просила не преследовать.

— Диана, Сережа снова остался без работы! — всплескивает она руками. — Я кручусь как белка в колесе. Нужно кредиты платить... Ты ведь жила в его квартире бесплатно. Ни рубля за все время не потратила.

— Платила же, — замечаю рассеянно.

Мы с Сергеем недолго прожили вместе, все доходы делили пополам.

— Сущие копейки! Ну ты же добрая девочка, что было, то прошло. У тебя хорошо все. Вон в каком центре работаешь, ладная, ухоженная. Волосы блестят. Сейчас в машинку свою теплую сядешь и поедешь. Сделай доброе дело для очистки совести. Прости моего сына. Нам очень тяжело, мы не справляемся.

— Я работаю по десять часов в день. Сергей тоже может пойти на вторую работу.

— Если бы это было легко! — с жаром заявляет Любовь Никитична.

